

Центр франко-российских исследований в Москве
(Centre d'études franco-russe de Moscou)

Школа исторических наук НИУ ВШЭ

4 июня 2018 г.

Rencontre discussion avec Henry Laurens

Круглый стол

*Франция и Россия перед лицом мусульманского Востока
в XIX – начале XX вв.*

М.В. Дмитриев (МГУ/ВШЭ):

Гость нашего круглого стола – **Анри Лоранс – профессор Коллеж де Франс**, ведущий французский востоковед, автор пяти книг по палестинской проблематике, автор большого числа исследований по политике Франции на мусульманском Востоке, по связям европейских и арабской культур, его перу принадлежит несколько сборников статей «Orientales». Я познакомился с господином Анри Лорансом, когда он участвовал в программе «Concordance des temps» Французского радио и вел передачу «Les Arabes au XIXe siècle : une invention française?». В это время мы продолжали и развивали проект, который был посвящен национальным дискурсам и идентичностям и ставил вопрос о том, не является ли национальное и национально-идентитарное исключительным «изобретением» европейской культуры. Оказалось, что Анри Лоранс в своих публикациях воспроизводит вполне обоснованное мнение о том, что арабы как нация не могли существовать в исламском умме и были «созданы» как нация в течение XIX в., в период после египетской экспедиции Наполеона.

Настоящая тема связана также с проектом Лаборатории средневековедческих исследований ВШЭ «Христиане перед лицом Ислама. Византия, Русь, «латинский Запад», X – XVII вв.: структурные различия стратегий *accommodating cultural difference?*», в рамках которого был поставлен один главный вопрос: политика православного мира по отношению к мусульманам и исламу в Византии, Балканах и Московской Руси, взгляд на ислам и мусульман - были ли они такими же, как на Латинском Западе в средние века и в раннее Новое время? Как Вы понимаете, видя риторическую постановку вопроса, я и мои коллеги пришли к выводу, что есть все основания утверждать, что до эпохи Петра I Запад и Московская Русь имели две разные модели отношений с мусульманским Востоком. Самая лучшая формула, передающая старомосковскую модель – это *интеграция без ассимиляции*. Мусульмане как именно мусульмане (а не «этнические» татары) были интегрированы без того, чтобы их ассимилировать.

Также есть ещё одна очень большая проблема, и мой интерес к этой проблематике, вероятно, начался в условиях Чеченской войны. Что такое политика России на Кавказе в XIX в. по сравнению с колониальной политикой Франции в Алжире? В работах Анри Лоранса изучается вопрос о том, каково

было отношение французов к североафриканским мусульманам в 30-40-е гг. XIX в. И я был впечатлен тем, что в риторике того времени предлагалось их физически уничтожать. Наполеон III отказался от этого плана... Я намеренно обостряю вопрос. Есть ли какая-то связь между традициями, которые предположительно перешли в ментальность российского правящего класса, духовенства и общества 19 в. от допетровской эпохи – и тем фактом, что самая идея истребления коренного населения колоний была, как кажется, чужда миру представлений правящих элит имперской России. Не было ли здесь «допетровского» вклада, который позволил иначе сформировать отношение к мусульманскому миру, чем это было на Западе?

Мое вступление обрамляет вопросы, которые мы могли бы, благодаря нашему переводчику сегодня поставить....

Анри Лоранс (Коллеж де Франс).

Французский опыт встречи с мусульманским Востоком в XIX – начале XX вв.

Благодарю Вас за Ваше приглашение. На мне лежит серьезная задача за несколько минут представить результаты более чем сорокалетней работы и попытаться резюмировать более чем 30 книг, которые я написал. Поэтому я буду говорить в общих чертах. Это будут общие направления моей аналитической мысли, чем глубокие исследования, на которые не хватит времени. Как Вы знаете, французы любят ко всему наклеивать этикетки, давать знаковые имена и теперь я должен обозначить себя, как я могу описать свои исследования. Я думаю, я историк международных отношений и занимаюсь сравнительной историей. Общим направлением моего исследования служит желание установить общие закономерности в развитии истории, с одной стороны, Европы и западного мира, с другой стороны, арабского мира, который можно описать как восточный мир. Это Арабская Азия, Египет, Турецкая империя – все то, что теперь называют Ближним Востоком. С точки зрения хронологии, ее рамки простираются примерно с 1750-х гг. до наших дней. Это т.н. удлинённая или длинная версия современной истории. Объектом исследования стали места, где пересекались влияния западного или

восточного мира или временные рамки, в ходе которых происходил тесный контакт. Уже более 20 лет я исповедую подход к истории как совокупности временных пересечений. Ту версию истории, которую я разделяю, можно назвать историей встреч с точки зрения французского зрителя или участника событий и историей мест памяти. Гораздо проще исследовать современную историю, чем те ее отрожки, которые уходят в глубокую древность.

Первое место встречи, с которой я начал свое исследование – это история французского востоковедения. Начало моей работы совпало с тем моментом, когда Эдвард Саид опубликовал свою знаменитую книгу «Ориентализм» (1978). Свое изучение я начал со второй половины 17 века – этот период времени Леви-Стросс назвал эпохой «второго гуманизма». Это было то время, когда европейские интеллектуалы начали изучать восточные языки и литературу на этих языках – турецком, арабском и персидском. Помимо этого в поле зрения европейцев попало культурное наследие восточного христианства. Первой моей целью было показать, что европейская литература перешла в новую стадию своего существования и стала приобретать черты универсальной литературы. В этот проект прекрасно вписались переводы «Тысячи и одной ночи», выполненные Антуаном Галланом (1646-1715) в начале XVIII в. С этого момента восточная литература прочно и навсегда вошла в литературу европейскую, в которой арабские и персидские сказки о Шахерезаде оставили неизгладимый отпечаток. И теперь в ней весьма сложно отыскать какие-то глубокие отсылки, которые не подразумевали бы цитирование «Тысячи и одной ночи». Параллельно с этим существовал другой параллельный более архаичный тип востоковедения. Это было востоковедение переводчиков арабского языка. Перед ними стояла задача знакомить европейских политиков и монархов с политической и экономической жизнью восточных государств. Некоторые переводчики по мере своей работы сами стали глубокими интеллектуалами.

В XVIII в. произошел существенный перелом, который до сих пор для историков остается неразрешенной загадкой. В 1750 г. по непонятным причинам Европа внезапно оказалась в положении супердержавы по отношению к другим государствам мира. При этом Европа осознала себя как движущую силу того движения, которое мы называем прогрессом. Нельзя во всяком случае отрицать, что между 1750-1770 гг. европейцы вошли в движение, которое можно назвать прогрессом или движением в будущее. Это движение

приняло общеевропейский характер. Для того чтобы оценить и понять эту ситуацию, отправной точкой для нас служит представление о прошлом Европы, в которое также вписывается прошлое неевропейских стран. Иными словами Восток становится прошлым в настоящем. Путешественник, который проезжал по восточным странам, мог сравнивать, отмечая, что это то же самое, что было в Европе 100-300 лет назад. С последней четверти XVIII в. начинается написание новой секулярной всемирной истории без каких-либо религиозных референций. Науки и ремесла появляются в Египте, затем они переходят в Грецию и Рим, после этого к арабам, и наконец, их наследуют европейцы. Другими словами географический путь шел от Востока, через Грецию, Рим, арабов в Европу. В начале XVIII в. развитие науки и ремесел идет по новому витку. Этот виток мы называем арийским мифом. Согласно этому мифу истоки европейского могущества корнями уходят в Центральную Азию. Стоит понимать, что все эти изменения, которые произошли во второй половине XVIII в., соответствуют развитию геополитического вектора. Это Семилетняя война 1756-1763 гг., которая положила предел колониальному присутствию французов в Новом Свете. Затем это была Война за независимость Северной Америки, которая дала сигнал тому, что в скором времени и другие европейские страны должны будут уйти из Нового Света и что распространение европейского влияния должно будет поменять вектор своего движения. Соответственно это влияние будет распространяться на Старый Свет. Мы понимаем, что в Новом Свете Европа хотела повторить саму себя, создать там свою копию. Это хотя бы следует из того, какие названия давались новым территориям: Новая Франция, Новая Испания, Новая Англия. При этом совершенно невозможно, открывая путь на Восток, оказаться в той же ситуации. Отталкиваясь от представления, что Восток – это прошлое в настоящем, мы можем сказать, что Европа является будущим Востока. Таким образом, была изобретена концепция цивилизации, для того чтобы обозначить или ознаменовать необходимость определить переход отсталого восточного общества в более развитую и совершенную стадию, которая воплощала в себе Европа. Поэтому в XIX в. европейское востоковедение вышло на новый виток своего развития. Это ориентализм, т.е. познание Востока через колониальную систему. Колонизаторы управляли мусульманским населением. Для того чтобы грамотно управлять населением, следовало было знать их языки, традиции и обычаи. Поэтому параллельно продолжало развиваться востоковедение в

исполнении интеллектуалов. Равным образом развивалось искусство драгманов, переводчиков с арабского, которые переводили восточные тексты на европейские языки и параллельно с этим развивалось колониальное доминирование зависимых территорий и эти параллельные процессы, как сообщающие сосуды находились в постоянном взаимодействии. Так, например, перевод Ибн Халдуна на французский язык был выполнен по просьбе колониальной администрации Алжира.

Говоря об истории востоковедения, следует обратить внимание на параллельное развитие западоведения. До XIX в. развитие западного мира считалось делом самих европейцев, которые по своему желанию оказывали какие-то услуги мусульманским странам. Этим европейцев называли ренегатами. В мусульманском мире было сотни тысяч таких ренегатов – то есть европейцев, которые служили мусульманским правителям. Были другие европейцы, которых звали левантийцами. Это европейцы, которые переехали в мусульманские страны и жили в мусульманских семьях или это были восточные христиане, которые присоединились к таким европейцам. Первый опыт востоковедения – это было изучение устного арабского языка, который был языком межнационального общения Восточного Средиземноморья. Поэтому от этого этапа развития востоковедения осталось мало письменных источников. В конце XIX в. на Востоке появились военные советники, т.е. офицеры европейских армий, которые приезжали в Османскую империю для модернизации турецкой армии. Они пользовались типографиями, распространяя книги о современном оружии. Затем появились дипломаты из восточных стран, которые приезжали в Европу. Они говорили на французском языке, языке дипломатии того времени. И затем начались образовательные миссии из арабских стран, которые также направляли в Европу. Следует иметь в виду, что востоковеды и западники в XIX в. тесно сотрудничали между собой. Часто востоковеды толкали западников к более глубокому пониманию реалий европейского мира. Например, в воспоминаниях людей, приехавших из Востока в Европу встречается много характерных портретных черт и больше всего их заметки напоминают политические программы, которые предназначались правительствам восточных государств. Ровно те же мотивы мы затем увидим у японских и китайских реформаторов конца XIX в. Что является наиболее характерным для XIX в. – это то, что восточные страны приняли европейскую концепцию исторического развития. При этом

европейская концепция истории того времени была основана на идее европейского доминирования и в качестве аргументов приводились сведения из лингвистики и мифологии (индоевропейское единство, расизм и арийский миф). Восточные государства приняли расистские теории европейцев; арабов приравнивали к семитским племенам. Позже когда появился арабский национализм, его задачей стало желание восстановить контроль над всеми землями, населенными носителями семитских языков. В равной степени на том же фундаменте строился турецкий национализм, основой которого стала расовая теория тюркских языков. Таким образом, контакт между восточным и западным миром привел к перераспределению понимания идентичности людей и территорий, на которых жили представители различных цивилизаций.

В XX в. произошла фундаментальная перестройка. Принимая во внимание размах движений по эмансипации угнетенных народов и их освобождение от колониального гнета, восточные государства пришли к пониманию, что им следует отказаться от фиксированной теории, основанной на европейских ценностях. Эта теория уступила место социологической концепции о постоянно изменяющемся обществе. Именно поэтому я считаю, что противостояние между востоковедением и социальными науками является искусственным.

На основании изучения исторического отрезка времени, продолжавшегося на протяжении более 300 лет, мы видим, что перед нами встают те же самые вопросы. Люди постоянно с периодичностью несколько десятилетий открывают для себя те же самые вещи. Это касалось первого направления моего исследования.

Второе направление моих исследований связано с изучением европейского владычества, начало которого я отсчитываю от Египетского похода Наполеона Бонапарта. Вопрос, который я поставил, заключался в следующем: каким образом Французская революция, в самом своем начале принявшая Декларацию о правах человека, фактически завершилась колониальной экспедицией? Нужно понимать радикализацию идей Просвещения в революционную эпоху, поставивших под сомнение представления предшествующего времени. Французские революционеры хотели построить новый мир, основанный только на догматах разума. Они сомневались в смысле истории и в существовании не только европейских, но и мировых социальных и политических институтов. В какой-то момент

Французская революция постаралась стать всемирным проектом, который следовало было осуществить во всем мире. Именно в этом заключался смысл Египетского похода. Именно с этого момента в политический дискурс различных стран вошел термин «цивилизация». Обоснованием похода стала также определенная геополитическая обеспокоенность. Египетский поход стал основным этапом смещения европейского доминирования в сторону Старого Света или древних миров. Наполеон пытался компенсировать потерянные в Новом Свете колонии и вместе с тем подавал себя как освободитель, апеллируя постулатами цивилизации или цивилизованности. Врагами были англичане, колонизаторы Индии. Во Вторую коалицию вошли европейские и мусульманские государства, поставившие своей задачей войну против атеизма Французской революции. Следствием наполеоновских войн стало распространение европейской политической системы на огромную территорию вплоть до границ Индии. Египетский поход не стал стимулом для проведения реформ по модернизации Востока. Однако он ускорил понимание турецкими элитами того факта, что Османская империя существенно отстает от Европы и это отставание представляет угрозу самой их государственности. Для того чтобы сопротивляться европейской угрозе следовало было принять на вооружение концепцию развития европейского государства в его самом современном виде. Наступление и распространение западного влияния являлось для них единственной гарантией выживания в борьбе с иностранными державами.

Первым инструментом модернизации стало развитие типографий и распространение книгопечатания. Быстро стало понятным, что типографии можно было использовать для двух целей. Во-первых, типографии служили источником по распространению европейских знаний в его переводном варианте понятном местному населению и во-вторых, они позволяли издавать качественными тиражами книги по философии и культурному наследию восточных стран. Таким образом, типографии оказались одновременно направленными как в сторону сохранения наследия, так и в сторону модернизации или современности. Результатом распространения знаний стал в своем роде культурный ренессанс, особенно заметный в мусульманских странах конце XIX в.

Восприятие европейских ценностей элитами восточных государств привело к появлению требований по эмансипации немусульманского населения

в рамках исламских государств. Это привело к дополнительным проблемам. Европейцы оказывали поддержку христианам Востока. Под лозунгами защиты христиан велась Крымская война. Было найдено решение, согласно которому эмансипация шла не по индивидуальному, а по коллективному или общинному принципу. Эта была эмансипация, которая признавала специфические права отдельных групп или меньшинств. В XX в. эти процессы привели к появлению политического конфессионализма и понятию «меньшинства». Недавние мои лингвистические изыскания привели меня к следующему заключению. Появление термина «меньшинство» в арабском языке относится к 1919-1920 г., т.е. когда в Европе были подписаны договора, завершившие Первую мировую войну.

Таким образом, европейская колонизация проходит на своем пути несколько очевидных этапов. Во-первых, колонизируются только нехристианские страны. Все владения Османской империи будут разделены на три части. Балканские христианские страны по большей части должны будут стать независимыми государствами. Африканские страны, население которых преимущественно исповедовало ислам, были обречены, чтобы стать объектом колонизации. Азиатские провинции Османской империи, а также Египет, поскольку они находились по пути в Индию и в них проживало существенное количество христиан, оказались в ситуации реформирования. Здесь был поднят вопрос Востока. Здесь можно вспомнить замечательное выражение английского историка Тойнби, который сказал, что восточного вопроса никогда не было, единственный вопрос, который существует – это вопрос Запада. И у западного вопроса есть два смысла. Во-первых, на Востоке западные державы сражаются между собой, и во-вторых, целью западной политики на Востоке является превращение восточных государств в государства западного типа. На пересечении этих смыслов мы видим, что каждая европейская страна в своих восточных экспедициях каким-то образом проецирует свои представления о самой себе. Например, чем более светской страной становится Франция, тем более католической она видит в мусульманских странах. На этом этапе я решил задать себе вопрос, что такое мое понимание империализма. Вначале я перечитал классическое определение империализма Гобсона, за которым следуют Ленин и другие марксисты. Все они считали, что империализм, который возникал на поздней стадии европейской истории после 1848 г., связан с закрытием рынков и с расширением протекционизма. На самом же деле

европейский экспансионизм конца XIX в. с экономической точки зрения не нес какой-либо существенной выгоды, поскольку Британский капитал устремился в Латинскую Америку, а французский капитал направился в Россию. Использование Лениным понятия и теории «империализма» стало для него инструментом, который позволил ему отрицать национализм в объяснении причин Первой мировой войны. Марксистская трактовка империализма соответствует только позднейшей стадии развития капитализма, т.е. меркантилизму 17-18 вв. и закрытию рынков в результате Великой депрессии 1929 г. Единственный случай, который вписывается в марксистскую трактовку – это Япония. На самом деле европейская экспансия XIX в. связана с созданием зон свободной торговли. Для того чтобы ввести принцип свободной торговли Европе нужно было контролировать весь мир, нужно было открыть все страны света европейской торговле. Этим объясняются опиумные войны с Китаем и открытие Японии. Это был экономический реализм, а не протекционизм. Сам принцип свободной торговли подразумевает существование полицейской принуждающей силы, которая вынуждает соблюдать его условия. Следует задаться вопросом, были ли США в XX в. империалистической державой? США, безусловно, были имперской республикой но, повторяя слова Раймона Арана, они не старались приобрести новых территорий, но старались контролировать рынки и каналы сбыта. США были и до сих пор являются представителем основной части индустриально развитых стран в структуре организации современного рынка. Именно с этой точки зрения следует подходить к анализу современного нефтяного рынка.

Затем я решил понять, как действовали колониальные империи и их различные стратегии. Упрощая, скажем о французском видении вопроса. Французы пытались ассимилировать, в то время как с британской точки зрения, англичане старались отличаться, демонстрировать свои отличия.

С колониальной точки зрения самая опасная ситуация, когда ты начинаешь колонизировать автохтонное население. Местное население пытается выгнать колонизаторов вручную, прогнать их к морю, а колонизаторы наоборот, стараются загнать их вглубь территории. Это происходило во время колонизации Алжира. Это также одна из причин к пониманию палестино-израильского конфликта. Этому вопросу я посвятил более 6 книг и тысячи страниц.

К вопросу Палестины. К сожалению, у меня нет времени пересказывать все исторические события. Целью моей работы не было подтвердить или осудить кого-либо. Работа над историей этого конфликта позволила разработать методику, которая позволяет понять события, происходящие на Ближнем Востоке. Я разделил ее на несколько отрезков. С временной точки зрения они довольно короткие, даже несколько недель. Иногда они накладываются или перемешиваются друг с другом, но каждый отрезок находит свое объяснение в местной истории, истории конкретного региона. Поскольку эти отрезки следуют друг за другом с громадной скоростью, создается ощущение, что Ближний Восток – это очень сложная и запутанная территория. Однако если восстановить и расположить эти отрезки в правильном порядке, история этого региона становится вполне понятной и прозрачной. Это, безусловно, оказывает свое влияние на современные события.

Я также постарался объяснить феномен арабской весны, истоки авторитарной системы в современных арабских государствах. Я выделил для себя два или три основных фактора, которые к этому привели. Они связаны с тем, о чем мы говорили. С вопросом Запада, т.е. с противостоянием западных держав друг друга и их проекцией на восточный мир, навязыванием своих социологических моделей. В этой части света постоянно появлялись авторитарные проекты, целью которых было наверстать отставание. На этом были основаны реформы Османской империи конца XIX в., кемализм, реформы шаха Пехлеви и др. Но там также возможно существование плюралистической системы. С того момента как политическая система становится открытой, моментально начинают появляться иностранные влияния. Две самые открытые политические системы Ближнего Востока – это ливанская и палестинская системы. При этом каждая политическая партия или сила в Ливане и в Палестине имела поддержку одного или нескольких иностранных государств. Соответственно внутренняя политика повторяла контуры их внешней политики. Парадоксальным образом диктатура представлялась единственной гарантией национального суверенитета. Безусловно, есть и экономические причины, например, теория ренты, связанная с нефтяной экономикой. Важную роль играет геополитическое положение той или иной страны. Перепродавая нефть, Египет получает полтора миллиарда долларов нефтяной геополитической ренты и этим объясняется его роль в американской или международной системе. Я пытался понять, почему случалась арабская весна. Безусловно,

свою роль сыграл демографический фактор, широкое открытие этих стран остальному миру, а также влияние интернета, новых СМИ, создание сетей и т.д. Но арабская весна стала возможной благодаря тому, что в течение нескольких недель международные отношения оказались в подвешенном состоянии. Начиная с ливийской истории, мы опять возвращаемся к западному вопросу. То же самое происходит сейчас в Сирии.

Я также исследовал современную историю средиземноморского региона. Я сделал два основных вывода. Во-первых, мы не придавали внимания, что привело к переустройству экономического уклада и внутренней жизни этого региона между 1550-1950-х гг., то, что мы называем «малым ледниковым периодом». В конце этого малого ледникового периода, т.е. после 1820 г. «средиземноморский» перестало быть прилагательным и стало существительным. С этого момента мы начали говорить о национальной идентичности, климате и культуре средиземноморья. Но это произошло благодаря тому, что Средиземноморье стало игроком в геополитической игре. Другим словами для того чтобы понять, что представляет из себя средиземноморский регион сегодня, следует включить в наш инструментарий экологическую составляющую и культурные традиции.

Я писал и на другие темы, но теперь я пропущу их, так как я действительно писал очень много. Например, я написал историю концептов цивилизации, эссе об интерпретации понятия «терроризма», работу о взаимоотношении истории и права, т.е. между богиней Клио, воплощающей историю, и Фемидой, отвечающей за право. Я также занимался вопросами геноцида – как раз этот вопрос решается в поединке между богинями Клио и Фемидой. Я мог долго продолжать, но скажу, что моя работа – это постоянное скитание и в своих скитаниях я переходил от мест встреч к местам памяти. Спасибо за приглашение в это место встречи!

М.В. Дмитриев:

Большое спасибо, профессор Лоранс, за Ваш впечатляющий обзор, того, что Вы уже успели сделать в области востоковедения. К ориенталистике я сам не имею никакого отношения и занимаюсь эпохой восточноевропейского позднего средневековья. Но, с другой стороны, находясь в России, не могу не проецировать то, о чём Ваши книги, и то, что Вы сегодня представили, на

проблематику взаимодействия Восточной Европы и Востока, Востока самой Европы и её Запада, России и Востока...

Т.Ю. Кобищанов (ИСАА МГУ):

Благодарю Вас за доклад, который, безусловно, вызывает много вопросов. Я хотел спросить, насколько связан, с Вашей точки зрения, оксидентализм и зарождение национального вопроса в арабских мусульманских странах? То есть не христиане, которые привыкли взаимодействовать с западным миром, а мусульмане. Как мусульмане смотрели на западный мир, видели ли они его разобщенным и враждебным друг другу и как это могло зародить у них национальное чувство и национальную идею?

Анри Лоранс:

Ответ на этот вопрос будет пересекаться с лекцией, которую я буду читать завтра, 5 июня, в Центре русско-французских исследований, поэтому ответ я приберегу на завтрашний вечер. Египетский историк Абдуррахман аль-Джабарти (1754-1826), который в том числе описывал Египетский поход Наполеона, писал следующее:

В эти дни на берег высадился десант "франков", которых наказывали "инклизиин" и те встретились со знатными людьми города и те сообщили, что они прибыли для поисков "феранциин". Знатные мусульмане не знали, куда они направились. Через несколько дней в Александрии высадился флот «феранциин». С наступлением ночи их корабли выгрузили на египетский берег солдат и военное имущество, и к утру, незаметно для жителей Александрии, французские солдаты, подобно «саранче, распространились вокруг города».

Это сцена образца 1798 г. Мы уже видим, что понимание европейцев, как единой монолитной группы, как «франков» уступает место более расчлененному пониманию европейцев как отдельных наций. Жители Египта понимают, что эти пришельцы делятся на разные группы «франков». И это понимание просуществует через всю историю 18 века. Если изучать хронику Джабарти объемно, то мы не найдем там упоминаний о военных действиях между Россией и Турецкой империей, однако после 1789 г. где-нибудь под 1805-1806 гг. уже упоминается битва под Аустерлицем. Это изменение связано с тем, что в Каире поняли, что судьба Египта разыгрывается в весьма

отдаленных от страны территориях в противоборстве между европейскими державами. И этот механизм было очень важно понять.

Т.В. Котюкова (ИВИ РАН, Центр Марджани):

Вы сказали, что французская колониальная модель стремилась к ассимиляции, в то время как английская система выражала свое превосходство. На каких принципах, по Вашему мнению, основывалась российская имперская колониальная система? Она была близка французской, английской или имела свои специфические свойства? По моим наблюдениям, Российская империя состояла из такого количества разнообразных народов, что даже им по отдельности не всегда был применим некий единый принцип по завоеванию, контролю и управлению таких огромных территорий таких как Кавказ, Поволжье, Средняя Азия.

Анри Лоранс:

Я не специалист по Российской империи. Говоря об имперской политике, следует разделять две разновидности империй. Во-первых, есть морская империя. Для нее характерна географическая отдаленность между метрополией и ее заморскими владениями. Именно поэтому морские империи делятся на метрополии и колонии. Второй моделью являются континентальные империи. Для них нет географической дистанции между центром и доминионом, это скорее распространение метрополии по всей территории империи. С исторической точки зрения, это другой набор карт и история. В истории можно найти несколько характерных примеров. Например США 19в. можно считать колониальной империей. Присоединение Гавайских островов в 1990 г. станет последним актом экспансией со стороны колониальной американской системы. Завоевание Филиппин и Кубы не привело к включению этих территорий в систему метрополии. В Российском случае ситуация складывалась по-другому. Это была монархия и у монархической системы другая система управления. Управление осуществляет императорский двор. Связь с местным населением осуществляется путем включения местной аристократии ко двору, включения знатных локальных дворов в систему дворянства Российской империи. Тому примером – несколько аристократических семей с мусульманскими корнями. Не будучи сильно подкованным в вопросах Российской империи, я могу сказать, что ее нужно рассматривать как континентальную империю и как христиано-

имперскую в аристократическом понимании этого слова, что, безусловно, коренным образом отличается от Франции, Англии, Бельгии или Голландии, где использовался сам термин «империя», но не было настоящей в имперском понимании этого слова аристократии.

О.Ю. Бессмертная (ВШЭ):

Большое спасибо за Ваш оригинальный взгляд на мировую историю в целом. У меня два общих вопроса в контексте современной эпистемологической ситуации. Не упрекали ли Вас в том, что Вы лишаете права коренных народов на собственный голос, привязывая их историю к тому, что создает Запад. И второй вопрос, особенно в связи с тем, что Вы сказали, отвечая на предыдущий вопрос. Как Вы относитесь к тем новым имперским исследованиям, которые демонстрируют размытость различий между континентальными и морскими империями и то, что касается Российской империи, не стоило бы различать периоды, когда мусульманская аристократия действительно вписывалась в структуры имперского управления, характерные для екатерининского времени и периоды до Екатерины, когда эта аристократия должна была быть христианизирована, чтобы вступить в те же структуры и XIX в., особенно его конец, когда колониальные границы, несмотря на отсутствие символических делений, оказывались такими же четкими и резкими, как на Западе.

Анри Лоранс:

Отвечая на первый вопрос, я считаю, что с того момента когда европейская политическая система распространилась по всему миру, перестала существовать история Запада как таковая. Началась общая или мировая история. Другие народы либо заимствуют, либо перенимают в результате исторической необходимости тот же самый понятийно-категориальный аппарат. Все те категории, которыми мы привыкли апеллировать сегодня в XXI в., как конфликт цивилизаций или столкновение культур, на самом деле пришли к нам в результате развития европейской мысли еще в XVIII в. На самом деле именно Французская революция занималась развитием понятия «цивилизации» и ее понимания как

универсальной модели. Соответственно контрреволюция противопоставляла культуру и историю, противопоставляла аутентичность и всемирную цивилизацию или процесс цивилизации. Это, например, философия Берка в Англии, целиком и полностью немецкий романтизм, который также противопоставлял культуру и цивилизацию. Мы до сих пор используем те же самые категории. В России это называют борьбой между западниками и славянофилами, но тем не менее, все эти понятия появились в где-то около 1800 г., и мы ими пользуемся до наших дней, несмотря на то, что с культурной точки зрения сменилось несколько исторических эпох.

Отвечая на второй вопрос, я еще раз подчеркну, что не являюсь специалистом по Российской империи, однако как любую историческую формацию ее не следует воспринимать как нечто в едином преломлении. От одной эпохи к другой историческая реальность менялась, и менялось ее самовосприятие. В самой имперской системе заложено несколько противоречий. То, что определяет империю как таковую – это не просто существование императора или императрицы, которые ей управляют. Это целое сочетание исторических факторов, в которые входит население, говорящее на разных языках, исповедуют разные религии и, возможно, отличаются по цвету кожи и в рамках этого образования имеют разный юридический статус. Это будет империей, а внутри этой системы существует постоянная напряженность между центром, который старается единое видение или мнение и окраинами, перифериями, которые хотят отстаивать свой особый статус. Вся эта история длится весьма долго. В качестве простого примера во французской колониальной системе мусульмане могли сохранять свое право, как особенность их статуса. Последней французской территории, где соблюдалось мусульманское право, был остров Майотта (Mayotte). Только сейчас на Майотте отменяют мусульманское право. Таким образом, только сейчас все французские граждане будут обладать одинаковым и равным юридическим статусом.

В Российской империи присутствовали все те же имперские показатели. Коммунистическая система, во-первых, навязывала единое законодательство, признавая при этом отдельные культурные идентичности и это сосуществование этих двух явлений – отдельный интересный вопрос. Как культура трансформируется в фольклор, т.е. становится деполитизированной?

М.В. Дмитриев:

Я хочу обратить внимание на один момент, который мне очень понравился. Когда профессор Анри Лоранс переходит в современность, он поднимает большое количество сложнейших вопросов. Он сказал, например, что Соединенные Штаты похожи на «синдика», то есть «домоуправа» или «управдома» в западном мире. Это очень хорошая находка – США как «управдом» большого мирового дома, основанного на принципах свободной торговли... И этот мир исходит из того, что, чтобы свободная торговля существовала, ее нужно, в конечном счете, навязать не заинтересованным в свободной торговле странам...

И второй момент, на который мне хотелось бы обратить внимание. Я часто спрашиваю моих французских коллег, можно ли перевести на французский язык «национальное меньшинство»? Для них – это невозможно. То, что об этом сегодня сказал проф. Лоранс – для меня очень ценно. Арабский и турецкий язык не знали понятия «национального меньшинства» вплоть до XX в., и оно входит как понятие в культуру пост-османского мира только в результате Версальского мира. Это еще раз показывает, что разделение людей на большие группы, которые мы называем нациями, было поздним и не универсальным явлением. И до начала XX в. принципа национального разделения и понятия «национальное меньшинство» восточные страны не знали.

Ещё один мой вопрос связан с понятием «ориентализм» Эдварда Саида. До недавнего времени мне казалось, что ориентализм в саидовской интерпретации научной критикой был уже похоронен за излишнее упрощение, политическую ангажированность, за то, что у Саида слишком много литературного материала. Ориентализм в саидовском варианте едва ли не навсегда, казалось мне, должен был быть направлен в книжный шкаф. Но то, что мы сегодня услышали, как мне показалось – это продолжение саидовской логики, а именно в том смысле, что вся система представлений элит Востока о самих себе (а не только элит Запада о Востоке) – это результат искусственной интеллектуальной работы и особенно драматично в данном случае то, что турецкие и арабские интеллектуалы смотрят на самих себя через призму или очки, созданные на Западе, хотя им кажется, что они смотрят на самих себя с аутентичной и адекватной для Востока точки зрения.

Т.В. Котюкова:

В продолжении того, что только что сказал Михаил Владимирович и говорил господин Лоранс о том, что понятие «народа» было принесено на Восток, мне хотелось бы задать следующий вопрос. В рамках концепций господина Лоранса существовало ли на Востоке национально-освободительное движение? Они вообще знали, за что они борются?

О.Ю. Бессмертная:

Я как раз хотела задать тот же вопрос, что и Михаил Владимирович: как Вы соотносите себя с Саидом, но ответила на него себе сама. Мне показалось, что, в том, что Вы нам предложили, нет политической ангажированности и упрощенности, за что Саида критикуют, но есть идея конструктивизма, которая на самом деле, как мне кажется, очень убедительна. Это то, что мы сами создали тот Восток, который мы видим, как Восток, в целом. Продолжая, о чем я спрашивала Вас в самом начале, о голосах со стороны Востока, мне очень импонирует Ваша идея об отсутствии Востока и Запада в современном мире и в единой мировой культуре и восприятии единства понятий, которыми пользуются люди в разных местах мира, но я хотела бы обратить внимание, что Вы сами вынуждены сохранять термины *oriental* и *occidental* даже применительно ко времени после возникновения этой всемирной культуры. Не кажется ли Вам, что вместе с этими всеобщими универсальными понятиями, в каких-то случаях, скажем, в случаях элит, которые только и пользуются этими понятиями, можно обнаружить подспудные пласты сохранения старых традиций, что-то вроде культурного билингвизма?

Анри Лоранс:

Я попробую дать обобщенный ответ, поскольку основной вопрос связан с глобализацией. Есть очень хорошее английское выражение, которое лучше любого ориентализма объясняет современное видение: *West and the rest*, есть Запад и все остальное.

Во-первых, суть европейской истории, начиная с Ренессанса и даже раньше, заключается в том, что европейцы себя с кем-то сравнивали. Вначале сравнивали прошлое и современность. Прошлое, древний мир, заканчивается с существованием Римской империй, современность начинается с эпохи, которую сейчас мы называем средневековьем. Все развитие европейской

интеллектуальной мысли в течение трех веков вращалось вокруг оппозиций прошлого, древнего и современного. Например, еще в начале XIX в. Бенжамен Констан (1767-1830), анализируя Французскую революцию, писал, что это было восстание или новый приход представителей старого мира. Эта идея была высказана им в его знаменитом эссе «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» (*De la liberté des anciens comparée à celle des modernes*) (1819). Что делали люди в XVII в.? Они привнесли в эту дуальность третий термин. Они добавили Восток. Получилась трехступенчатая система, которая состояла из древних, модернистов и «восточников». В XVIII в., особенно во второй половине столетия, к этой трехчастной концепции были добавлены «дикие». Концепция европейской мысли стала четырехчастной. Таким образом, ориентализм следует понимать в его противопоставлении древнему миру и в контексте дискурса о диких племенах. Дискурс о варварских племенах сейчас продолжается под термином «антропология».

Во-вторых, я всегда был по своей сути и духу историком. В какой-то момент Европа оказалась в положении супердержавы. Ее доминирующее положение в мире подтолкнуло другие народы земного шара для того чтобы просто выжить к тому. Чтобы принять европейскую концепцию современного государства. При этом сама идея современного европейского государства опирается на другую модель общества. Упрощая, до 1750 г. мировая система была иерархичной, человек был вписан в пределы определенной социальной иерархии. Французская революция привнесла понятие «равенство»; вместо иерархии европейская модель общества стала отталкиваться от идей эгалитаризма. Для того чтобы государство стало в европейском понимании этого слова современным, все его граждане должны были обладать равными правами. Разрушение иерархических норм сопровождалось введением понятия «нация». До тех пор пока существуют традиционные иерархические структуры общества, понятие нации существовать не может. Поэтому сама идея нации не является западным заимствованием, но является прямым следствием существования современного государства. Когда вы анализируете какую-либо ситуацию, Вы должны говорить не только и не столько о заимствованиях, но и об эволюционном алгоритме. Например, согласно Парижскому договору 1856 г. турецкие крестьяне должны были получить свободу. При этом в трактате ни слова не было сказано о угнетенном положении еврейского населения Османской империи, которые при этом

находились в более лучшем положении, чем российские евреи. Таким образом, мы имеем дело с синхронными моделями развития, которые происходят в разных обществах, но с неким временным запаздыванием (лагом). Само понятие заимствования – это понятие, которое можно оспорить. Заимствовать можно только то, что необходимо, то, что является непреложной необходимостью. Проводя мостик к современной ситуации, следует признать, что примитивная материальная культура распространяется намного быстрее рафинированной. Молодые французы смотрят японские манго, занимаются карате или кунфу, ходят в японские и китайские рестораны. Материальная культура становится универсальной, глобальной, усредненной и распространяется гораздо более быстрыми темпами, чем культура интеллектуальная. Можно предположить, что общей судьбой XXI в. станет существование огромного по масштабам среднего класса, который будет пользоваться смартфонами, планшетами, слушать общую мировую музыку, все женщины будут ходить в рваных джинсах и т.д. Культурная глобализация уже осуществилась.

Отвечая на вопрос об ориентализме, я хотел бы привести цитату из «Слов и вещей» Мишеля Фуко. Он пишет, что понятие человека – это историческая конфигурация факторов, которые сейчас исчезают, как рисунок на песке, когда его захлестывает водой, «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке». Я бы сказал, что Восток – это то же самое. Это сочетание исторических факторов, которые распадаются на наших глазах, точно так же как рисунок на прибрежном песке, который сносит в море прибрежной волной. Я думаю, ориентализм – это просто историческое сочетание факторов и как любое историческое явление оно имеет свой конец.

Д.Р. Жантиев (ИСАА МГУ):

Мой вопрос напрямую вытекает из темы нашей сегодняшней встречи. Различия в отношениях между Россией и Францией к исламу и мусульманскому миру. После того как Екатерина II издала указ о веротерпимости в отношении мусульман, с конца XVIII века и в XIX веке мы видим в России целенаправленные усилия государства по выращиванию и воспитанию лояльных мусульманских элит. Эти проявления мы находим в том, что мусульман принимают на государственную и военную службу, в высшие учебные заведения, государство спонсирует и открывает мечети. В XIX в. в

России никого не удивляли генералы-мусульмане, офицеры гвардейских частей и в Генеральном штабе. Почему ни одно французское правительство не демонстрирует подобных усилий в отношении североафриканских мусульман? Ни июльская монархия, ни правительство Наполеона III и Третьей республики несмотря на идеи эмансипации, секуляризации и равенства?

Анри Лоранс:

Очень широкий вопрос. Основным колониальным опытом Франции стало покорение Алжира. Это покорение было произведено чрезвычайно жестоко и сопровождалось колонизацией населения. Все это привело к появлению огромного количества трений и напряженности. При этом одновременно Алжир становился французской провинцией, ассимилировался как составная часть французской метрополии. В правовом отношении он не рассматривался как колония или заморская территория, и был разделен на три французских департамента. При этом французские колонизаторы считали, что процесс колонизации Алжира провалился. Для них это был пример, которому не нужно было следовать. Столкнувшись с необходимостью ассимиляции алжирского населения, они разработали концепцию ассоциации, которую применили в Тунисе и Марокко. Там были установлены французские протектораты. Таким образом, понимание французской колониальной миссии постоянно металось от ассоциации (протектората) до ассимиляции.

Вернемся к тому, о чем мы уже говорили. Французская колониальная система была морской империей. Иными словами до 1914 г. в метрополии мусульман практически не было. Мусульмане начали становиться частью французского общества только в ходе Первой мировой войны. В армию поступили сотни тысяч мусульманских солдат, которые сражались против немцев, во Францию также приехали сотни тысяч рабочих-мусульман, которые работали на заводах военного времени. Другими словами вхождение мусульман во французское общество произошло при довольно противоречивых обстоятельствах. Они пришли как обычные рабочие и простые солдаты, а не как представители элит. При этом они получили право легитимизировать свое присутствие во Франции в виду того, что принимали участие в военных действиях. В этом суть противоречий. С одной стороны, правительство построило парижскую мечеть в качестве благодарности за вклад мусульман во французскую победу, а с другой, первое алжирское национальное движение,

Африканская черная звезда, зародилось в континентальной Франции среди рабочих и не без влияния французских коммунистов. Отвечая на Ваш вопрос о вхождении мусульманских элит во французское общество, во Франции произошло ровно наоборот: мусульмане вступали во французское общество не сверху вниз, а снизу вверх. До сих пор большинство французских мусульман рабочего происхождения. Что касается вопроса ислама во Франции, то он теснейшим образом связан с вопросом постепенного разрушения французского рабочего класса и с исчезновением французской компартии. Но, пожалуй, это тема отдельного разговора.

Вопрос из зала:

У меня два конкретных вопроса, связанных с Восточным Средиземноморьем. Этот регион разнообразен с точки зрения своего этнического и конфессионального состава. Меня интересует, какое место этот регион занимал в политике французских властей и, во-вторых, как этническое и его культурное разнообразие влияло на французский колониальный режим. Я имею виду, в первую очередь, Ливан.

Анри Лоранс:

Для нас это скорее Ближний Восток, а не Восточное Средиземноморье. Французские власти считали необходимым добиться независимости Греции. В то же время в верхах французского правительства была небольшая группа людей, которая выступала против предоставления независимости Греции. В зависимости от колебаний политического курса Балканского полуострова французы в некоторых землях традиционно находили себе друзей, в других традиционно встречали врагов. В частности, Румыния в одно время рассматривалась как маленькая Франция. Сербы также были традиционными и давними союзниками французов. Что касается Восточного Средиземноморья в целом, нужно принимать в расчет левантийскую цивилизацию, т.е. создания на всех берегах Восточного Средиземноморья в пределах 1880 г. определенной франкофонной цивилизации, состоявшей из различных элементов и представлявших собой разные этнические группы, которые добивались французской защиты и частично приняли французскую культуру. К 1900 г. французы с гордостью говорили, что есть Левантийская Франция. Со временем появления национальных движений в этом регионе, они рассматривались как

представляющие угрозу для Левантийской Франции. В качестве примера, можно привести Салоники. Когда этот город находился в составе Османской Турции, многие евреи Салоник находились под французской защитой. Когда в результате балканской войны Греция получили контроль над Салониками, он стал греческим городом и для левантийской Франции оказался потерян. Поддержка левантийской идеи привела к тому, что французы выступили против местного национализма. Еще один пример дает история Египта. С 1942 г. Египет был оккупирован британскими войсками. На тот момент в этой стране проживали представители различных наций и культур – французы, греки, итальянцы, ливанцы, евреи, при этом французский язык считался языком культуры. На французском языке общались между собой представители разных общин и меньшинств. В скором времени все эти меньшинства пали жертвой египетского национализма. Многие представители левантийской культуры были вынуждены покинуть Египет и уехать во Францию. Многие художники, писатели, певцы и другие творцы французской культуры имеют корни в левантийских сообществах Египта. Когда Левант прекратил свое существование, Франция очень много потеряла. Однако французское общество метрополии обогатилось выходцами из Леванта, внесших большой вклад во французскую культуру. Это Ришар Антони, Далида, Жорж Мустаки и многие другие. Все они были левантийцами из Египта.

Е.А. Прусская (ИВИ РАН):

Каждый раз, когда мы говорим о мусульманском Востоке, исламе, арабском мире, речь заходит об ориентализме и Эдварде Саиде. Хотя «Ориентализм» вышел еще 1978 г., интерес к этой книге не угас, и она до сих пор вызывает споры, оживившиеся в России после издания ее русского перевода в 2006 г. Мне кажется, что Анри Лоранс в своей концепции не противоречит тому рациональному зерну, которое было у Саида, а именно то, что Европа создала Восток как культурное понятие, а затем навязало или познакомило мусульманские элиты со своим видением Востока.

Я также хочу ответить на вопрос, почему во французской колониальной системе не сложилось мусульманской элиты. Это очень интересный вопрос. Российскую колониальную систему часто сравнивают с алжирской колониальной системой. На мой взгляд, у французов была довольно слабая попытка создать лояльные национальные, если не элиты, то хотя бы верные

французам национальные ячейки. Из местного мусульманского населения они набирали войска, делали попытки привлечь часть арабского населения на свою сторону и сделать из него опору своего режима. Я думаю, у французов была альтернативная концепция колониального управления, которая в конечном счете проиграла той, о которой говорил Анри Лоранс. Мне кажется, это получилось из-за европейской колонизации Алжира. Французы не хотели включения местных элит в управление этой территории, так как на этих землях достаточно большое количество выходцев из Франции и других европейских стран.

М.В. Дмитриев:

Меня интересует сопоставление Северного Кавказа, особенно Чечни и Алжира. В равнинную Чечню уже в XVI в. пришли русские колонисты. Насколько я понимаю, эта территория вначале была освоена казаками, а затем чеченцы, которые только в XVIII в. стали мусульманами, спустились с гор и также стали осваивать эти земли. Но насколько я представляю, в Чечне не возникла такая коллизия между колонистами и автохтонным населением, которая возникла в Алжире. Была в Чечне политика истребления населения, если не брать отдельные события Кавказской войны? Возможно, я ошибаюсь, и разделяю иллюзии, но мне казалось, что политика в России была не такая, как в Алжире.

Анри Лоранс:

Что касается Саида, то те, кто сейчас наиболее яростно выступают против его «Ориентализма» – это индусы и китайцы. Они утверждают, что это неправда, что Восток был создан Западом, что он существовал. В течение многих столетий без какого-либо западного влияния Китай и Индия существуют сами по себе. Есть некий дух Китая и дух Индии. Парадокс, который высказывают радикальные националисты, заключается в том, что они в свою пользу интерпретируют категории колониального периода. Маршал Султ, который был премьером Июльской монархии, называл трех, по его мнению, великих мусульманина своего времени: дамасского эмира Абд Аль Кадира (1808-1883), имама Шамиля (1797-1871) и правителя Египта Мухаммеда Али (1769-1849). Очевидно, что в это время Абл Аль Кадира и Шамиля постоянно сравнивали друг с другом.

Т.Ю. Кобищанов:

Я дам реплику по поводу того, о чем говорил Дмитрий Рустамович и Евгения Александровна о том, что состояние Российской империи – это скорее не типичное, а аномальное состояние. Империя в нормальном состоянии – это Франция в Алжире – подавление всего чужого, что выходит за рамки имперской логики. Что касается России, то политика веротерпимости началась только в годы правления Екатерины II. Если мы возьмем более ранний период – то это была тоже политика по подавлению мусульманского населения. При этом благоприятная для мусульман политика Екатерины была ограничена только периодом русско-турецких войн. В это время было учреждено Духовное управление мусульман в Оренбурге и в Уфе и т.д., но когда война заканчивалась, эта политика отходила на второй план. У России на юге был мощный противник в лице Османской империи и нужно было что-то делать с мусульманами, чтобы обеспечить их лояльность. Поэтому эта политика не типичная, а аномальная.

То же самое можно сказать о средневековой Испании. Когда на юге существовал Гранадский эмират, в христианской части Испании существовали мусульманские общины, и политика арагонских королей была вполне веротерпимой. Как только складывается Испанская империя и война с мусульманами перешла на другой берег Средиземного моря, так сразу из Испании изгоняют мусульман и внутренняя политика радикально меняется.

Анри Лоранс:

Небольшой комментарий, чтобы расставить точки над *i*. На момент начала Первой мировой войны первой страной по числу мусульманского населения была Великобритания, на втором – Франция, на третьем, если я не ошибусь – Российская империя и, возможно, Голландия на четвертом. Делая параллели с сегодняшней ситуацией можно сказать, что мусульмане были вписаны в существовавшую колониальную систему и это отразилось как на нас, на тех странах, которые их колонизовали, так и на них, которые были вынуждены искать в новом для себя мире свою идентичность. Если индусам это было сделать проще – они находились в отношениях с одной страной и с одной нацией – Великобританией, у других мусульман положение было более разнообразным, так как они должны были взаимодействовать со многими европейскими державами или игроками.

М.В. Дмитриев:

Мы заканчиваем нашу замечательную встречу с проф. Анри Лорансом утверждением, что главной страной мусульманского мира (по количеству мусульман среди подданных Британской империи) 120 лет назад была Великобритания, на втором месте находилась Франция, на третьем – Россия... И встает вопрос (который, правда, на взгляд некоторых коллег, уже закрыт), – не было ли существенных различий между русской политикой, например, на Кавказе (остальные регионы, как Поволжье, Сибирь, Средняя Азия, Крым я оставляю в стороне) и французской колониальной системой в Алжире. Другие наши коллеги, которые опираются на сведения о колонизации Среднего Кавказа, считают, что различия в имперской политике России и Франции были существенными. Есть два разных взгляда на эту важную тему, и я думаю, что это вопрос скорее открытый, чем закрытый. Но, возможно, самое вопрос поставлен некорректно...

Д.Р. Жантиев:

Я думаю, российская политика была направлена на интеграцию и включение. Французская система работа на сегрегацию. Даже когда Алжир был включен в состав Франции на правах департамента, французское гражданство получили не все его жители.

М.В. Дмитриев:

Я закончу свое выступление замечательными наблюдениями наших коллег по истории старообрядчества и русского сектантства. Русских старообрядцев и сектантов ссылали из Центральной России, в том числе на Кавказ. Сохранилось большое количество письменных источников и фольклорного материала. Какие отношения они выстраивали с мусульманами? Выясняется, что носители традиционной православной культуры старообрядческого закала относились к мусульманам вполне дружелюбно. Они говорили: у нас своя вера, у вас – своя. Меня интересует это с точки зрения вопроса о том, насколько эта православная культура византийско-православного христианства располагала к конфликтам с другими христианскими и нехристианскими культурами? Но я надеюсь, что наша дискуссия продолжится с нашими гостями в дальнейшем, так как ее

проблематика очень живая и важная. Но мы только попросим Анри Лоранса сделать короткое заключение.

Анри Лоранс:

В заключение я могу сказать, какие бы культурные описания Вы не давали какому-нибудь явлению, многовековой культурный обмен между разными частями земного шара привел к тому, что в каждом из нас есть часть другого, а другие несут в себе частичку нас или нашей культуры. И поэтому каждый раз, когда мы пытаемся сражаться с другим, мы сражаемся с самими собой.